

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Начало или Приходи в четверг

Перед прочтением, рекомендую посмотреть короткое вступление к первому рассказу «Возле бассейна», которое касается этой и всех моих дальнейших историй

Бориса Петровича затребовали в Советскую Армию из-за отсбятини сопляка Борика, который, насытившись полугодовальным бездельем в папиной семье, явился в конце ноября к райвоенкомату с амбицией:

— Меня забыли!

Глянули военные комиссары в нужные бумаги, удивились редкому случаю, и дали неожиданному ухарю пару суток на сборы, куда тот просился.

Что делать Борису Петровичу при таком раскладе? Покрутил он перед зеркалом Борику у виска. Чмоки-чмоки, подружки! Адью-гудбай, камрады! От папы — часы «Полёт». От соседки Зойки — засосы. И повёз литерный поезд умного Бориса Петровича в образе пьяного Борика к Дальнему Востоку. Служить танкистом.

Там, у края Земли, на продуваемом плацу, «охотник до службы» быстро проникся уважением к пацифизму Бориса Петровича, который, вместе с курсом молодого бойца, «раскрыл» в себе «талант» ротного «художника». И два зимних месяца линиял от строевой, маляю в тёплой казарме «Боевые листки» да масляные картинки стеновой «живописи» ротной Ленкомнаты;

Для сбора образцов этих самых картинок на армейскую тему (не придумывать же их самому!) заглянул, как-то, Борис Петрович по первому февральскому снежку в неработающую, но открытую гарнизонную библиотеку. И — встретил там свой юношеский Идеал!

Идеал самых гламурных пропорций звали Светланой Николаевной (так сообщала табличка возле стопки потрепанных книг). Клеем и калькой Светлана Николаевна крепила выпадающие страницы и надорванные корешки книжных переплётков. Но делала это «неквалифицированно», — нашёл нужное слово, влюбчивый Борис Николаевич. А бестактный Борик протянул сверстнице руку:

— Борик!

— Лена, — сказала, залившаяся румянцем Светлана Николаевна, — пальчики которой слегка испачкал канцелярский клей.

— Пустяки! — заверил Борик, хватая прохладную ладошку. — У меня тоже; — начал он, имея в виду, что руки художника могут быть в краске, но осёкся на несоответствие полученной информации. — Лена?

— Ах, это? — Лена таки освободила ладошку из ручищи солдата. — Осталось от прежнего библиотекаря. Я здесь недавно;

— Здорово! — порадовался Борик. — Надолго?

— Как получится. К мужу приехала. Капитану Калинину.

— Ага! — продолжал скалиться Борик.

Но Борис Петрович уже отстранил недотепу:

— Капитан Калинин — наш командир, — сказал он серьёзным голосом. — Разрешите помочь в ремонте библиотечного фонда?

— Помогите, — дозволила жена капитана.

Укрепляя странички, Борис Петрович тайно любовался круглолицей красавицей. Когда же

Лена перехватила его быстрые косяк в сторону своей груди, стыдливо опустил глаза. А поскольку желание смотреть на высокий рельеф под вязаной кофтой было исключительно сильным, солдат «заинтересовался» состоянием помещения.

К удовольствию Бориса Петрович книжное «хозяйство» гарнизонной читальни было в запущении. Потрепанные тома нуждались в реставрации. Оконные карнизы с мятыми гардинами держались на честном слове. Полосы ватмана с текстами типа: «Книга — твой друг!», «Любите книгу — источник знаний!» блеклы и надорваны. В углах стен — почернение. Стеллажи стояли, как попало, и ожидали покраску. Ко всему, что видел Борис Петрович, требовалось приложить умелые руки.

«И на грудь капитанши в первую очередь!» — шепнул в горячее ухо Бориса Петровича поганец Борик.

От этого науськивания у Бориса Петровича повысилось сердцебиение. А Лена, видя, как лицо солдат покрывается красными пятнами, истолковала это по-своему и, со вздохом сообщила, что даже не знает, за что следует браться в первую очередь, дабы привести запущенное помещение в должный порядок.

«Берись за её груди!» — куражился Борик.

— Я могу взяться…, — сказал Борис Петрович, стараясь смотреть только в синие глаза Мечты, — за ремонт и оформление библиотеки. Умею рисовать. Писать разными шрифтами. Люблю книги и хочу их чинить. Только для этого надо разрешение командира роты.

— Вы его получите! Как ваша фамилия, товарищ солдат?..

…

… За семейным ужином Лена рассказала мужу о проблемах на новом месте работы и назвала фамилию Бориса Петровича.

— Рядовой Большаков? — переспросил капитан Калинин. — Он мне самому нужен.

Ленинскую комнату оформляет.

— Ну, милый! Если бы ты видел, в каком состоянии мне досталась библиотека, ты бы так не говорил.

— Я видел. Раскардаш и беспорядок.

— Вот! Сам признаёшь, что в таких условиях твоей жёнушке работать не полагается.

— Могу прислать кого-нибудь другого.

— Этот «другой» умеет рисовать, писать плакаты и любит книги, как Большаков?

— Хм… Не уверен…

Лена надула губки:

— Кто попало, мне не нужен! — прижалась она к плечу супруга. — Ну, хотя бы на пару часов, а?

— На пару часов можно, — сдался капитан. — На большее не взыщи.

— Ежедневно! — поставила условие Лена.

— Если не будет ничего экстремального, — уточнил капитан Калинин. И был вознаграждён за сговорчивость благодарной женой многообещающим поцелуем…

…

… Большакову не спалось. Он думал о библиотекарше. Вспоминал пришедшее по сердцу лицо. Завидовал капитану Калинин. И — тосковал по тем, кто ему нравился ранее. В детском садике маленький Борис Петрович обожал воспитательницу. В школе влюбился в учительницу по физике. В ПТУ глазел на лекторшу по эстетике. А позже, подкарауливал на

лестничной клетке соседку с четвёртого этажа, и поднимался следом, млел от вида её крепких ног. Теперь вот — жена комроты!

В итоге протекания былых воспоминаний, сделал наш Большаков для себя неприятное обобщение. Оказывается, ВСЕ женщины его Мечты были замужние! Имели постоянных мужчин. И шансы на их взаимность к его, несомненно, лирической персоне, ВСЕГДА равнялись нулю! И происходило это по причине отсутствия в нем целеустремлённости. Рассудительность Бориса Петровича в нём была, весёлости Борика тоже, а этой самой, устремлённости — тю-тю…

Что и говорить — неутешительное резюме девятнадцатилетнего парня с хорошим стояком. Едва Борис Петрович вспомнил, а затем ощутил этот самый стояк, рядом с ним появился его второй портрет с одной газеты — Борик, и напомнил про титьки капитанши.

Борис Петрович упёрся:

— Безукоризненной красоты женщина. Образец русской пригожести…

— Что есть, то — есть! Клёвая тёлка! — согласился Борик. — Глаза васильковые, губки алые, титьки — во! Хотел бы их потискать?

Борис Петрович, на это лишь вздохнул. Для обороны против Борика его окопчик разумника был мелковат.

— Чего зря вздыхать! — веселился Борик. — Когда, наш кэп разрешит библиотечку оформлять, начни с его женушкой шуры-муры. Чем чёрт не шутит?

— Лена не такая…

— Тю! Все они одинаковые! И эта краля — не исключение. Надо дать ей возможность про стояки узнать…

— Твоего хамства на троих хватит.

— Так нас и есть трое! Ты, да Я, да мы с тобой! — прыснул в кулак развеселившийся Борик.

— А…, ты в этом смысле…

— Хорош, тарабарить! — шуганул спорщиков засыпающий Большаков. — Надоели!…
Толку от вас…

Его тяжелеющая голова покоилась на правой ладони, а левая рука держалась за неоппадающий член. Грузнеющие веки слипались… Во сне, до самого сигнала «Рота!… Подъём!», Большакову грезились голубые глаза и красивая грудь Елены Павловны…

…

Послеобеда, когда вместо политзанятий, рядовой Большаков рисовал в Ленинской комнате бронзовое лицо сурового танкиста, дневальный сообщил, что его вызывает командир роты. Спрыгнув со стола, заменяющего подмости, Борис Петрович сунул кисть в растворитель, быстро вытер тряпицей испачканные пальцы и, застёгивая на ходу верхние пуговицы гимнастёрки, устремился «на ковёр». Он был чрезвычайно взволнован. Ночная «дискуссия» о возможности приударить за женой капитана теснилась в стриженной голове солдата совестливыми противоречиями и сомнениями: « Разве можно?… А вдруг?… А если?… Нереально!…»

Капитан Калинин сидел за столом каптенармуса и пересматривал хозяйственные бумаги. На доклад рядового Большакова о прибытии, не поднимая головы, велел:

— С завтрашнего дня, с четырнадцати до шестнадцати ноль-ноль отправляетесь в расположение гарнизонной библиотеки. Заведующая библиотекой Елена Павловна скажет,

что надо делать. Её указания выполнять, как мои. Это приказ! Ясно?

— Ясно, — сказал Борис Николаевич.

— И, без халтуры! Чтобы Елена Павловна была довольна.

— Так точно! Будет довольна! — весело зыкнул Борик.

Командир роты мельком глянул на Большакова:

— Чего это вы, рядовой, так веселитесь? И лицо у вас красное; Больны?

— Никак нет! — таращил глаза Большаков, цыкнув на подвернувшегося под руку Бориса Петровича (которого сжигал жар смятения), ибо, достать веселившегося Борика не представлялось возможности.

А тот скакал козликом и радовался:

— Началось! Началось; На-ча-лось;

— К двадцать третьему февраля библиотека должна быть отремонтирована и оформлена.

Вопросы есть?

— Никак нет! — сказал сам за себя Большаков.

— Свободен! — сказал капитан и уткнулся в талмуды;

;

В первый же библиотечный день Борик устроил рабочий стол Бориса Петровича напротив стола Елены Павловны. Так, что влюблённый «художник», мог свободно зреть и рельефный бюст капитановой жены, и её круглые колени, идеальную форму которых не портили даже вязанные колготки.

Потом — новая выходка беспардонного весельчака. Находясь за спиной библиотекарши, он позволял себе делал тазобедренные движения в сторону Елены Павловны, показывая руками, что придерживает её за воображаемые бёдра.

Сердце Бориса Петровича, при виде таких вольностей, колотилось, как у кролика.

— Тебе нравится? — шептал на ухо Борису Петровичу Борик: — Ну, признайся, что хочется большего!

— Перестань, поясничать! — увещевал своего антипода Борис Петрович. — Елена Павловна может увидеть.

— Так это и нужно! — скалился Борик. — Сделай, что-нибудь этакое. — Борик изобразил пальцами колечко и потыкал в него толстым фломастером. — Пусть догадается, что ты её хочешь.

— Ни в жизнь!

— А я порезвлюсь!;

Терзаемый ревностью и болезненным обожанием молодой красавицы, Борис Петрович размалёвывал тематические планшеты, писал на ватмане цитаты классиков, ремонтировал книги, забеливал стены. А его второе я приседало перед столом Елены Павловны за оброненными предметами, смотрело через плечо за отворот вязаной кофты, спешило принести для капитановой жены стремянку и подстраховать, чтобы лишний раз подержать нос возле безупречных ножек.

И, чем больше находился рядовой Большаков возле прекрасной Елены, тем меньше оставалось в нём сдержанного Бориса Петровича, всё явственнее проявлялся дерзкий на поступки Борик. Когда же последний ушёл за стеллажи и начал оттуда мастурбировать на то, что удавалось высмотреть у склонившейся над книгами Елены Павловны, Борис Петрович едва не умер от страха быть замеченным.

Настала пора Большакову соображать — кто же он есть по натуре, когда в его характере жительствовают две, совершенно разные, ипостаси?…

Думал, думал и ничего не сообразил… В душе у парня присутствовал дискомфорт. Как и все молодые люди его возраста, Большаков был максималистом. И он не желал оставаться всю жизнь «ботаником» Борисом Петровичем или шалопаем Бориком. Хотелось нечто большее. Такое, от чего его мелкое местоимения «я» стало бы весомее. В мировом масштабе!..…

Через несколько дней супруга капитана Калинина заметила в поведении своего помощника все признаки симпатии к своей персоне. Они выражались по-разному. То, как бы мимоходом (обсуждая текст очередного планшета), Большаков, ужасно краснея, сообщал: «Сегодня, Вы прекрасно выглядите, Елена Павловна!», То, вдруг, замирал на полуслове, любуясь её лицом. То беспардонно разглядывал фигуру и разглагольствовал о силе женских чар.

Елену Павловну поражал этот кучерявый суррогат начитанной вежливости и простоватой глупости собранные в одном человеке.

— Вы взрослая личность, а говорите такие суггестивности! — восклицала она, опережая слишком несерьёзные высказывания Большакова.

На что Большаков тут же виновато разводил руками. Мол — каюсь, был неправ! Ведь он, на самом деле, не всегда понимал, что с ним происходит.

Сама же Елена Павловна объясняла непостоянство в поведении помощника его молодостью. Будучи ровесником Большакова, она считала себя и старше, и мудрее его. (Ведь юноши взрослеют позже своих сверстниц!) Большаков и в девятнадцать лет оставался, по сути, пацан пацаном. А у неё уже и — семья (Елена Павловна находилась в замужестве шесть месяцев), и — жизненный опыт.

В целом, если быть до конца честным, знаки внимания со стороны постороннего юноши, Елена Павловна принимала, без восторга, но, как должное. Потому, что со школьных лет привыкла считать себя привлекательной девочкой. И «тайные» подглядывания парня в солдатской робе за её стройными ножками, станом и высокой грудью были ей понятны. Более того, не уделяй Большаков этим деталям её фигуры должного внимания, она, пожалуй, огорчилась бы… Потому (с чисто женским эгоизмом) девушка позволяла себе иногда подразнивать безусого сердягу. Приходила на работу то в короткой юбочке, то в кофточке с глубоким вырезом.

Вот в такие дни оформительская работа у Бориса Петровича не клеилась, а Борик потирая руки, пялил наглеющий глаз на прелести капитанши, дольше прежнего. И, однажды, громко произнёс:

— Мне нравится, что я вижу!

Елена Павловна подобной открытости не обрадовалась. Одёрнув край юбки, спросила (строго):

— Не стыдно, товарищ рядовой, так откровенно меня рассматривать?

— Ни капельки! — ответил Борик. — Что показывают, на то и смотрим…

На эту дерзость Елена Павловна смолчала. Отнеся её тоже к юношеской непосредственности. порно рассказы И напрасно! «Шутка» проскочила и попала на благодатную почву.

С этого эпизода Борик, как бы, получил индульгенцию на подобные вольности. Придумав шаблонное начало всех своих, так называемых «комплементов», он говорил Елене Павловне: «Как художнику, мне нравятся ваши…» — и далее в разных вариациях: «трепетные

губки», «рельефные формы», «чуткие пальчики», «линия бедер», «волнующий взгляд», «сладкая улыбка»…

На замечание Елены Павловны, что подобные казарменные фразеологии далеки от искренности, Борик (ни с того, ни с сего), объявил, что начал вести дневник, куда уже записывает все свои эпитеты «о самой красивой женщине, которую он, когда либо, встречал!» И что, возможно, использует эти впечатления в будущем.

— Интересно, каким образом? — подняла изящные бровки Калинина.

— Книгу напишу! — ошарашил девушку, невероятными планами Борик и одарил такой многозубой улыбкой, что Елена Павловна, не сдержавшись, беззлобно фыркнула в кулачок:

— Представляю этот винегрет на бумаге!

Однако слова о самой красивой женщине попали в её ушки и запомнились……

Дневник «прятали» в библиотечном шкафу, где хранились гуаши, кисти и ватман. Потом, «нечаянно» забыли на рабочем столе.

Елена Павловна, чуток посомневалась и «случайно» ознакомилась. Парень любовался её пригожестью и страдал от невозможности открыто признаться в любви.

Читая эти строки, Елена Павловна немного взволновалась. Не часто мы имеем возможность узнавать то, что о нас думают. И, находясь наедине сама с собой, Елена Павловна не гасила приходящие к ней эмоции, а, как девочка, радовалась новому ощущению личной значимости в жизни другого человека.

Когда заполнялся дневник, Елена Павловна не знала. Но едва Большаков прекращал работу и уходил из библиотеки в казарму, она, при задёрнутых шторах и запертых дверях, пылая лицом, читала короткие записи постороннего мужчины и млела, узнавая о себе любимой немало хорошего.

На этой волне располагающих ощущений женщина легко убедилась в безобидности заглядывания в чужие записи: «Ведь я читает ни о ком-то, а о себе самой!» аргументировала она и уходила в грёзы приятностей.

Однажды, солдатик написал, что Е. П. приснилась ему голой, и они занимались любовью…

Это для Елены Павловны это было, нечто новое! То, что сначала возмутило, но спустя минуту (или двух), разлилось по телу тёплой волной. Словно она пригубила бокал крепкого вина…

…

Рядовому танковой роты Большакову снилось, что в тексте дневника появилась откровенная жеребятина: «Эта женщина — станок для любви. Я готов трудиться на нём. в три смены! И так глубоко, как только позволит размер моего Малыша!…»

— Ты с ума сошёл! — стучал себя по голове Борис Петрович. — А если она покажет ЭТО своему капитану?!

— Я такое не писал! — лыбился Борик.

— Хочешь сказать, что это сделал я?

Борик беспечно пожал плечами:

— Какая разница?! Главное — ей нельзя признаться, что заглядывает в чужой дневник, и читает о себе разное!..

Тут случилось необычное. В разговор вмешался некто третий:

— И тогда кэп поколотить «писателя»… И будет огласка. А после него — офицерский суд! Карьера кэпа — насмарку!… По этим причинам краля будет молчать! И, согласно особенностям женского характера, продолжит шпионить. Как Мата Харри. Мы этим воспользуемся. Начнём писать ещё откровенней. А когда у капитановой жены появятся признаки сластолюбия, раскрутим чистенькую супружницу на блуд.

Такие логичные рассуждения не могли идти из уст Борика. Борису Петровичу они тоже не могли принадлежать. Оба двойника с ликом Большакова огляделись. Так и есть! Рядом с ними появилась ТРЕТЬЯ копия их босса!

— Вы, собственно, кто будите? — вежливо поинтересовался Борис Петрович у появившегося.

— Тем же, кем есть ты! И ты! — палец незнакомца указал на Бориса Петровича и на Борика.

— Я — третья сущностей нашего шефа. Точнее сказать, — конечная составляющая его натуры. Он не дал мне имени. И я — просто Я. То есть Я — это ОН, в самой крайней степени самоутверждения. Так что, обсуждаемый здесь текст написан не Бориком, а мной. Для начала концепции, изложенной мною выше. Я понятно изложил?

Две первые ипостаси почтительно приклонили головы. Но имелись сущие неясности. И Борик спросил:

— А где ты был раньше? Почему мы с Б. П. тебя не видели?

— Я так понимаю, что Б. П. — аббревиатура на нашего уважаемого коллеги Бориса Петровича?

— Ну, да! — весело тряхнул большаковской головой Борик.

— Раньше во мне не нуждались, — сказал Я. — Но теперь, когда наш босс повзрослел, и подумал, что ему не хватает целеустремлённости я пришёл.

— Понимаю! — склонил свою, тоже большаковскую, голову Борис Петрович. — Вы появились по причине увлечённости нашего шефа славной женщиной из гарнизонной библиотеки?

— Не только из-за неё. Но библиотекаря — ближнее звено в длинной цепи его грядущего. Дебют, так сказать! Над этим будущим нам предстоит усердствовать. Если с капитаншей случится прокол, мне придётся удалиться. До поры, пока у босса не появится новая цель и желание иметь моё присутствие.

Теперь, в секундной значимости происходящего, склонилась большаковская голова пришельца.

Возникла пауза. Стриженные копии большаковской головы «висели» над заснувшим Большаковым, В зеницах спящего, под плотно прикрытыми веками, угадывалось движение глазных яблок. Он видел сон.

— Будем стараться и наш альянс Разумности, Весёлости и Устремлённости не распадётся, — сказал Борис Петрович.

— Согласен, — сказал Я.

— Замётано! — оскалился Борик.

После этого тройственный союз услужников Большакова закрепил своё существование символическим рукопожатием…

…

Елена Павловна сидела над раскрытым дневником и, обхватив руками горячую голову, пыталась унять возбуждение от только что прочитанного. Сердце несчастной колотилось на пределе.

Прошло несколько минут, пока женщина заставила себя произнести:

— Боже мой! Что я читаю!… Дожила!..

Но эти слова прозвучали как бы вне неё. Будоражило воображение того, ЧТО! вчера рядом с ней проделал паршивый солдат, а потом цинично изложил об этой гадости в своей мерзкой тетрадке…

Она с трудом припомнила. Намедни, заполняя картотеку книжного фонда, со стороны рабочего стола Большакова, слышала звуки сишлого дыхания, но не предавала им значение. Ну, собирает свой инструмент её помощник и собирает. Ну, дышит немного громче обычного. Чего ты особенного? Может, простыл. Или, пишет в «секретный» дневник нечто романтическое, и — волнуется. В таком случае, тем более, не следовало мешать… А он… вот ЧЕМ, на самом деле, был занят!

Елена Павловна ещё раз пробежала глазами переполошившие её нравственность строки. «… Эта женщина сводит с ума! Её лицо, грудь и упругая попка — единственное, что бесконечно меня заводит. Так и хочется повернуть Е. П. лицом к стене, наклонить да засадить ей по самые помидоры!… Сегодня решился! Перед уходом в казарму, прикрыл низ рабочего стола планшетом, и, сидя напротив Е. П., начал тупо на неё драть. Пыхтел, как паровоз, гоня в кулаке лысого. Когда она мельком посмотрела в мою сторону, долго спускал, глядя на её пухлый ротик. Вот бы куда вставить! Что бы отсосала…»

Елену Павловну в очередной раз пробила волна нервного озноба. Она поднялась со стула, прошла к окнам. За ними, по-зимнему, стемнело. Поправила гардины. Быть видимой в освещённом помещении с улицы ей не хотелось. Потом, решительно подошла к рабочему месту Большакова, подняла и повернула к себе обратную сторону, стоявшего у стола планшета. На шершавой фанерной поверхности широкой полосой, сверху вниз, тянулся шлейф ещё не высохшей жидкости. Она была выплеснута на щит не более пятнадцати минут назад. Значит солдат не только вчера, но и сегодня занимался ЭТИМ!

Оглянувшись на закрытые окна, Елена Павловна, поднесла планшет к лицу. Ошибки не могло быть. Запах мужского семени запомнился ей ещё с прошедшего лета, когда они с мужем впервые, после свадьбы, занялись любовью. (Калинин не хотел, чтобы она «залетела» и «выстрелил» молодой жене на живот). Вытирая мутную жидкость, Лена сохранила в памяти этот необычный «парфюм». Потом муж сливал семя в заранее приготовленную им тряпочку, которую лично выбрасывал в мусорное ведро. И почти всегда, это действие комментировал словами, что им не время заводить ребёнка, что нужно сначала обустроить быт и закончить военную академию (в которую, даже ещё, не поступил!)

Этот мужской дух на фанерной поверхности планшета показался Лене резче и сильнее, чем был после первого секса с супругом.

Нежные ноздри женского носика несколько раз втянули пряное испарение. Прикрыв глаза, Лена вспомнила, как пять лет назад, в отрочестве, она по ошибке, забежала в мужской туалет городского парка и увидела на побеленной стене, рисованный углём фаллос. У фаллоса были круглые яйца, и сердцевидная головка с фонтанирующей струёй. Рядом «красовался» размашистый текст: «Даю сосать каждый четверг. Ты — следующая! Приходить в 16 часов…». Четырнадцатилетняя Лена и раньше встречала подобные рисования, но этот «шедевр», с непристойным предложением, врезался в память девочки настолько, что, и годы спустя, каждый раз, проходя аллеями парка, она не только вспоминала туалетное «художество», но испытывала сильное побуждение глянуть на него хоть ещё разок……

Замуж наша Леночка выскочила почти случайно»;

На выпускном вечере познакомилась со старшим братом одноклассницы и, как большинство провинциальных девчонок, «уходящих в большую самостоятельную жизнь», совершила первый решительный поступок — нашла себе жениха.

Капитан Калинин понравился ей крупной красивой головой и решительными действиями. Он сразил девушку прямою вопросом — готова ли она разделить с ним судьбу защитника отечества? Лена, которая устала от долгой обязанности числиться маминой дочкой, тут же согласилась.

Капитан был старше Лены на восемнадцать лет. Считался хорошим офицером, первым кандидатом от полка на поступление в военную Академию. Как мужчина, имел всего хорошего понемножку и, в целом, молодую жену устраивал. Но любил, как-то скучно. Однообразно.

Вспоминая рисованный фаллос и слова «даю сосать»», Лена часто фантазировала семейную постель с подобными ласками. Но предложить их мужу, ведущему строгий образ жизни, не смела.

И вот сейчас, на самом краешке земли, стоит она посреди неустроенного прохладного помещения гарнизонной библиотеки, нюхает фанерку с выделением из члена какого-то солдата, вспоминает сортирное помещение с запахами мочи и, запавшее в память приглашение — прийти в четверг отсосать»;

«Это же надо, опуститься до такого состояния! — понемногу, приходя в себя, думала жена советского офицера. — А виной тому — чужой дневник, в который она, по глупости, начала заглядывать»;

Надев тёплую шубку, Елена Павловна поправила перед зеркалом кроличью шапочку, обмотала вокруг шеи белый шарфик и пригляделась к своим губам. Действительно — пухленькие. «Вот бы куда вставить!» вспомнилось ей мечтательная хрень Большакова. И, новая волна заслуженного гнева полыхнула по её прекрасному лицу.

— Помечтай, говнюк! — сказала Елена Павловна зеркалу, словно там находился рядовой Большаков. — Вот скажу мужу — он найдёт на тебя управу! Покажет, где раки зимуют!» — и нервно рассмеялась, представляя гневное лицо капитана, когда тот узнает, КТО и КАКИМ способом хочет лишить чести его благоверную»;

По дороге к дому Елена Павловна постепенно успокоилась. А, подходя к подъезду, овладела собой окончательно.

— Чего я так разволновалась? — говорила она сама себе. — Ну, хочет молодой парень женщину. Так это не противоестественно. Солдаты — те же мужики, только в военной форме. Девушек в армии у них нет. Потому и сгоняют любовный пыл рукоблудием»;

Большаков — не худший экземпляр. Бывает, иногда, сбалмошным. Но чаще — ведёт себя скромно. В открытую не наглет. А что делает тайком — его проблема»;

Начитан»; Рисует»; Не литературно пишет? Так это он для себя»; Другим не показывает»; Говорить мужу — лишняя нервотрёпка. Через пару недель закончит этот мастурбатор оформление библиотеки и — оревуар, гарсон! О-ре-ву-ар!..

»;

»; На следующий день, перед выходом из дома, Елена Павловна долго подбирала, что ей надеть.

После разных прикидок, сделала выбор на костюмчике с короткой плиссированной юбкой.

На ноги надела колготки из тонкого серого трикотажа, которые хорошо подчёркивали безупречную форму её ног. Повертелась перед трюмо. Мысленно прикинув, как это может оценить Большаков, постановила: «Пусть подавится слюной, онанист несчастный!» — и отправилась на работу;

Там, набрав кипу растрепанных книг, стала заниматься их починкой и насторожённо ожидать, прихода Большакова.

Женщина заранее решила, как поступит, если негодник попытается повторить прежние безобразия. Она не станет отворачиваться, а, напротив, так глянет на хулигана, что тот сквозь землю от стыда провалится!

Помощник явился в назначенное время. Долго отряхивался от снега (оказывается, началась непогода), и, окинув тёплым взглядом влюблённого мужчины свою патроншу, очень почтительно (будто ничего вчера не произошло) поздоровался.

По восторженному взгляду помощника Елена Павловна поняла — с одеянием угадала! Поначалу, Большаков был, как обычно, вежлив и трудолюбив. Старательно завершал тематический стенд о классиках русской литературы. Рисуя, рассуждал про новую книгу Чаковского о блокаде Ленинграда. Потом, привлёк Елену Павловну к толкованию передовицы из последнего журнала «Огонёк». Оказалось, что оба не разделяли некоторые догмы столичного журналиста Анатолия Сафонова. Вспомнили, что на днях (в феврале) — день рождения писателя Михаила Пришвина, роман которого, с неординарным названием «Женьшень», Большаков (по рекомендации Елены Павловны), взял почитать в библиотеке. Тут же появилась тема поговорить о красоте Дальневосточного края и, естественно, о писателе — путешественнике по Сихотэ-Алиню Владимире Клавдиевиче Арсеньеве.

Елена Павловна уже стала сомневаться «а был ли мальчик?» Но, к концу второго час общения «культурная программа» помощника пошла на убыль. Парня словно подменили. Выдав несколько одиозных анекдотов, он замолчал и лишь зыркал со своего рабочего места на разные места, сидящей перед ним женщины. Та, естественно, насторожилась.

И вот Большаков начал городить «баррикаду». Приставил к рабочему столу несколько больших планшетов, сел за их прикрытием так, что Елене Павловне были видны лишь его плечи в несвежей гимнастёрке да стриженная «под ноль» голова. Повозился, что-то проделывая, и — затих!

Калинина, через известное усилие, заставила себя смотреть в его сторону.

По напряжённому лицу солдата неравномерным разливом набирал силу яркий румянец. Веки слегка прикрылись, взгляд затуманился и был устремлён на женские колени. Дыхание участилось. Плечо под левым погоном солдата было неподвижно, а под правым — ходило ходуном. Он — онанировал!

Елена Павловна почти воочию представиладвигающийся в кулаке Большакова огромный фаллос с сердцевидной головкой; Похожий на тот, что она видела на стене мужского туалета. И — нервно сглотнула.

В этот момент онанирующий поднял глаза на приоткрытый рот сидящей перед ним женщины. Подёргивания его правого плеча участились.

Их взгляды встретились.

Вопреки ожиданиям Елены Павловны, солдат не «сгорел от стыда», не «провалился сквозь землю», а нагло улыбался! Тут только женщине стало ясно, что поганец ЗНАЛ о подглядках! Проведал каким-то образом! Или; (боже мой!), специально сочинял эти пакости для

неё!… Потом устроил эту демонстрацию распущенности. А она, как глупая девчонка, попала на такую очевидную приманку!!!

Голову Елены Павловны качнуло. Не выдержав нервного напряжения. Женщина склонилась над ремонтируемой книгой и, чуток… развела колени. Непроизвольно. Просто расслабилась, и ножки сами разошлись в стороны. Сантиметров на десять. Не более. Но движение было сделано и вызвало у дочки бурный оргазм. С громким стоном, солдат выпустил в стоящий перед ним щит, длинную струю спермы. Потом ещё одну, и еще… Елена Павловна чутко слышала, как они фонтанировали одна за другой, били в барабанную упругость фанеры…
…

Как уходил Большаков, Елена Павловна, не смотрела.

Сгорая от стыда, она неотрывно «изучала» надорванный переплёт лежащего перед ней романа Даниеля Дефо, и страдала от понимания, что была уличена в нехорошем…

Однако, едва за ушедшим хлопнула подпружиненная дверь, женщина вскочила. Первое движение было к «баррикаде» Большакова. Но, на полушаге, она повернула к окнам.

Проверила шторы. Щёлкнула на два надёжных оборота английский замок, и, на ватных от внезапной слабости ногах, подошла к столу помощника. Повернула к себе, выпачканный в молоку, фанерный щит.

Потёки спермы были огромны! Не верилось, что их только что выдал мужской член, а не плеснули на планшет из стакана со сметаной. Сильный, стойкий дух разврата и нагретого солнцем сортира заполнял библиотеку. На полу и на окантовочной рейке планшета в свете ламп сверкали белёсые лужицы.

Елена Павловна потрогала одну из них пальчиком. Понюхала. И… лизнула!

Тут же опомнилась! Принялась тереть по языку обратной стороной кулачка, рукавом кофточки, носовым платочком. Но необычный вкус не удалялся. Тогда она запила его остывшим чаем, и, ошарашенная своим непредсказуемым поступком, долго сидела, приходя в себя.

Всё её тело было опустошено, как от реального сношения…

…

Два следующих дня Елена Павловна на работу не ходила. Сказалась приболевшей.

Большаков имел ключи и корпел над стендами библиотеки самостоятельно.

Без хозяйки библиотеки его дело спорилась. Парень подтянул возникшие ранее отставания и, мог бы стать, своего рода, стахановцем, но капитанова жена, как внезапно занедужила, так, неожиданно и выздоровела. Направилась в конце второго дня проверить, что за время отсутствия, в руководимых оной «пенатах», делалось.

Большакова к её приходу уже не было. Отработав, определённые командиром роты часы, он отправился в свою казарму.

При всей личной сердитости на Большакова, Елена Павловна оценила размах его творчества, и (не утерпела!) заглянула в ненавистную тетрадку. Там было: « Е. П. догадалась о моих упражнениях с членом. Это хорошо! Пусть знает, что рядом есть тот, кто готов обслужить её ротик и киску! Теперь буду драть за последним рядом стеллажей. Если она туда придёт, я дам ей отсосать, а потом — выебу, как ещё никто не ебал!»

— Это уже слишком! — возмущению Елены Павловны не было предела. Её хотели (так и написано «выебать») в самой извращённой форме! Как даже супруг с ней не проделывал!..

— Нет, ну, какая самоуверенность?! — гневно размышляла она, устремляясь домой, к мужу. — Подумать только! «Выебу, как ещё никто не ебал!» Да мой Калинин любому онанисту даст фору! Он в этом деле — тайфун, ураган, цунами! Приду, и даже не принимая душ, кинусь в его объятия! Пусть делает со мной, что пожелает!..

»;

Переступив порог квартиры, Елена Павловна застала «цунами» в трусах и с утюгом. Калинин готовился заступить на дежурство по части. Проглаживая через влажную тряпицу плотные, словно из жести, борта офицерского кителя, он ловко оббегал гладильную доску и громко вторил, гремевшему из кассетного магнитофона маршу «Прощание славянки».

Ранее отутюженные брюки висели на спинке кровати, а ожидающая своей очереди рубашка, лежала поверх, стоящего у кровати, табурета.

Сама кровать была аккуратно застелена. Одеяло (оно же — покрывало) подвёрнуто под края матраца и натянуто. Линии заворотов чётко обозначены безупречными прямоугольными гранями.

Такую, по-военному, образцовую постель мять раньше времени у офицера Калинина считалось преступлением.

Лена сняла шубку, стащила с ног сапоги и, соображая, с чего начать склонять супруга к интимному, присело на край трюмо. Пока добиралась домой, легко представляла, как это сделать, а пришла и решимость поубавилась. В их семейных взаимоотношениях правили пуританские привычки Калинина.

«Был бы ковёр» — тяжело дыша, соображала Лена, глядя то, на ненавистную ей сейчас кровать. — Упали бы на него и — всё! Надо с первой полочки купить; не откладывая! На ковре всегда места много; А теперь, как же?»
«» повернуть лицом к стене, наклонить да засадить по самые помидоры!»
Это был вариант! Осталось только крикнуть: «Ну, мой капитан, бросай всё, я пришла!»

Капитан отсалютовал приходу супруги поднятым над головой утюгом, и продолжал глажку — Калинин! — сказала Лена. — Хочешь, я уволюсь с работы и буду сидеть дома?
— Что-то случилось? — прервал «пение» капитан.

— Случилось»;

Лена выключила магнитофон, подошла к мужу и протянула руку к хозяйству в его трусах:
— Я соскучилась»;

— Стоп! — скомандовал Калинин. — Во-первых, у меня в руках горячий предмет. Во-вторых — ты не совсем здорова. В-третьих — сейчас нет времени ЭТИМ заниматься. Через полчаса я должен быть на разводе.

— А у меня к тебе такая нежность! Давай, потратим хотя бы минут десять?» Ты ведь надолго уходишь»;

— Всего на сутки. Потом снова будем вместе»;

Капитан повесил на самодельные плечики отглаженный китель, разложил на доске офицерскую рубашку. Накрыл марлей. Набрал из алюминиевой кружки полный рот воды, прыснул поверх марли веером мелких брызг. Провел по влажной марле электрическим утюгом. Из под горячего металла шикнуло белым паром.

Не прекращая утюжку, Калинин поинтересовался:

— Чего это тебя приспичило? «Уволюсь!», «Соскучилась!», « Ты ведь

офицерская жена. И должна уметь управлять минутными эмоциями.

— Должна, — согласилась Елена Павловна. Прошла вглубь комнаты, постояла у тёмного окна, разглядывая на стекле отображение своего красивого, полного молодой энергией лица с крупными глазами и чётким очертанием сочных губ. Потом сказала, не оборачиваясь (больше себе, чем мужу): — Эх, Калинин, Калинин! Разные мы с тобой по темпераменту

люди

Засыпая, Большаков привычно выслушивал, о чём говорят в его голове одноликие «советники».

— Елена Павловна не заслужила подобного обращения! — говорил разумник Борис Петрович, имея в виду нехорошее поведение Борики, и намерения развратного Я сделать из Елены Павловны распутную женщину.

— А чёго не попробовать? — веселился Борик. — Как она глазела, когда поняла, что возле неё бычка доят! Очень даже возможно! Только — осторожно. Намекать на это самое — одно, а само это самое — другое! Может не прокатить! Не тётка с улицы — жена комроты!

— Ерунда! — рубил с плеча целеустремлённый Я. — Надо действовать решительно! Работы в библиотеке на неделю. Упустим возможность отвафлить капитаншу, локти кусать будем, что такую цацу не вздрючили!

Разумный на это что-то возразил; Весёлый хохотнул и чем-то поддакнул; Устремлённый продолжал настаивать;

Под их монотонное «бу-бу-бу» Большаков незаметно отошёл ко сну.

И спорщики утомонились;

Один взвод из роты капитана Калинина нёс дежурство в карауле, другие два были на хозяйственных работах.

Большакова, что по приказу командира роты большее время дня оформлял Ленинскую комнату, а потом занимался проблемами гарнизонной библиотеки, остался при казарме.

Так что, предоставленный самому себе, Борис Петрович решил сегодня явиться в библиотеку на пару часов раньше обычного. Он намеревался разместить на стене законченные накануне стенды и подыграть, рвущемуся к общению с Еленой Павловной, Борику.

Но и Бориса Петровича, и Борику опередил ухарь в кубе. Имея собственный ключ, он попал в библиотеку раньше Елены Павловны. И когда та явилась, уже старательно дорисовывал голову пышноусого «Буревестника» русской революции.

К такому рвению помощника и его раннему визиту Калинина отнеслась без энтузиазма. Сдержанно поздоровалась и, как обычно, зашла переодеваться в библиотечную подсобку. Повесила на крючок вешалки шубку. Слегка отряхнула её от снежной пороши. Сняла с головы и повесила на другой крючок кроличью шапку. Поправила перед зеркалом причёску. Сменила зимние сапоги на туфли с каблуками. Подумала, снова разулась, стянула трикотажные колготки, под которые она сегодня надела (на всякий случай), любимые ею, телесного цвета капроновые чулки. Снова обулась, сделала губки бантиком, провела по ним красной помадой и вышла в библиотечный зал.

Большакова на рабочем месте не было!

Это означало, что он ушёл в глубину зала. «буду драть за последним рядом

стеллажей». — вспомнила Елена Павловна заученную на всю жизнь строчку.

«Сейчас он там»; Наблюдает за ней, и гоняет в кулаке торчащий член»; « — подумала Елена Павловна. И даже не удивилась, на то, с каким спокойствием отнеслась к этой вульгарной мысли.

Подошла к своему столу. Переложила с места на место отреставрированного «Робинзона Крузо». Перевернула страничку настольного календаря. Там было п февраля. Четверг.

— Четверг, — перечитала Елена Павловна — Четверг»; Что-то важное у неё было связано с этим днём недели?»; Ах, да! Дурацкая надпись на стене туалета — «Даю»; каждый четверг. Ты — следующая! Приходить в 16 часов»; «. А сейчас? — она глянула на стену, где висели электронные ходики. Стрелки показывали без пяти минут три. — До шестнадцати осталось чуть больше часа! — механически отметила Калинина и покраснела.

Потом, проявила твёрдость:

«Что за чушь лезет в голову!»; Среди белого дня?»; Да что ОН с ней сделает?!»; Пацанья бравада»; Пусть не отлынивает, а пашет! В конце концов, это его обязанность! Пока товарищи служат, не занимается черти чем! До открытия библиотеки времени — совсем ничего!»;»

— Эй! — позвала Елена Павловна. — Вы где? Почему не работаете?

Ответа не было.

«Я это так не оставлю!» — приняла решение Елена Павловна, взяла со стола отремонтированную книгу и, громко стуча каблуками, двинулась вглубь книгохранилища к дальнему стеллажу.

Большакова она увидела именно там, где предполагала. Тот стоял к ней спиной и что-то делал перед собою руками.

Елена Павловна остановилась, хотела было возмутиться, но вместо этого отвернулась к крайней полке и стала устанавливать на неё принесённую книгу. Услышала шаги и осязательное касание плеча. Медленно повернулась.

Никогда ранее жена капитана Калинина не стояла так близко к чужому мужчине, который был в столь неопрятной гимнастёрке. Чувствительным обонянием она уловила запахи масляной краски, мужского пота и ещё чего-то, хорошо знакомого, но ещё не определённого ею.

Не моргая, Он и Она долго смотрели в глаза друг друга.

— Давай, — сказал ОН.

По движению губ, оглушаемая ударами собственного сердца, Елена Павловна догадалась, что прозвучавшее слово было короткое, но не сразу поняла его значения.

— Давай! — повторил ОН, и показал глазами вниз.

Елена Павловна посмотрела в том направлении.

Отжав край мятой гимнастёрки, из ширинки солдатских брюк вертикальным жезлом торчал крепкий фаллос с багровой головкой, похожей одновременно на шляпку гриба и, рисуемое в открытках сердечко. Кожица «сердечка» была натянута до предела и лоснилась, как полированная. Вершину головки венчало узкое отверстие с прозрачной каплей.

«Приходи в четверг!»;» — вспомнила Елена Павловна.

— Давай! — повторил солдат, нажимая на плечо капитановой жены.

Та зажмурилась и»; стала приседать.

Запах немытого тела с примесью мочи шибанул в трепетные ноздри Елены Павловны. Это был тот самый дух, что её лёгкие вобрали пять лет назад.

— Давай! — услышала она над своей головой.

Не размыкая глаз, жена капитана открыла рот.

Немытый хуй с белыми пахучими отложениями у основания залупы, вошёл между крашенных губ и стал неспешно ебать красивую голову Елены Павловны

Когда она «наелась», её развернули измазанным в сперму лицом к стене. Наклонили, задрали на спину юбку, и, приспустив трусики, загнали между ножек в капроновых чулках, большое, толстое, горячее

Словно в тумане, она послушно отдавалась этому новому, и, тонко поскуливая, «растворилась» в нахлынувших оргазмах

Стрелки электронных ходиков показывали семнадцатый час